

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф ilfandp
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ilfandpetrov.ru/> Приятного чтения!

Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф

Синий дьявол.

В сентябре месяце в Колоколамск вернулся из Москвы ездивший туда по торговым делам доктор Гром. Он прихрамывал и сверх обыкновения прикатил со станции домой на извозчике. Обычно доктор приходил со станции пешком.

Гражданка Гром чрезвычайно удивилась этому обстоятельству. Когда же она заметила на левом ботинке мужа светлый рубчатый след автомобильной шины, удивление ее увеличилось еще больше.

– Я попал под автомобиль, – сказал доктор Гром радостно, – потом судился.

И доктор-коммерсант, уснащая речь ненужными подробностями, поведал жене историю своего счастья.

В Москве, у Тверской заставы, фортуна, скрипя автомобильными шинами, повернулась лицом к доктору Грому. Сияние ее лица было столь ослепительно, что доктор упал. Только поднявшись, он понял, что попал под автомобиль. Доктор сразу успокоился, почистил попачкавшиеся брюки и закричал:

– Убили!

Из остановившегося синего «паккарда» выпрыгнули мужчина в опрятном котелке и шофер с коричневыми усами. Пестрый флажок небольшой соседней державы трепетал над радиатором оскандалившегося автомобиля.

– Убили! – твердо повторил доктор Гром, обращаясь к собравшимся зевакам.

– А я его знаю, – сказал чей-то молодецкий голос. – Это посол страны Клятвии. Клятвийский посол.

Суд произошел на другой же день, и по приговору его клятвийское посольство повинно было выплачивать доктору за причиненное ему увечье по сто двадцать рублей в месяц.

По этому случаю доктор Гром пировал с друзьями в Колоколамске три дня и три ночи подряд. К концу пирушки заметили, что исчез безработный кондитер Алексей Елисеевич.

Не успели утихнуть восторги по поводу счастливого поворота судьбы доктора Грома, как новая сенсация взволновала Колоколамск. Вернулся Алексей Елисеевич. Оказалось, что он ездил в Москву, попал там по чистой случайности под синий автомобиль клятвийского посольства и привез приговор суда.

На этот раз посольство повинно было выплачивать кондитеру за причиненное ему увечье по сто сорок рублей в месяц как обремененному большой семьей.

На радостях кондитер выкатил народу бочку пива. Весь Колоколамск стряхивал с усов пивную пену и прославлял жертву уличного движения.

Третья жертва обозначилась через неделю. Это был заведующий курсами декламации и пения Синдик-Бугаевский. Он действовал с присущей его характеру прямоотой. Выехав в Москву, он направился прямо к воротам клятвийского посольства и, как только машина вывалилась на улицу, подставил свою ногу под колесо. Синдик-Бугаевский получил довольно тяжелые ушибы и сторублевую пенсию по гроб жизни.

Только тут колоколамцы поняли, что их город вступил в новый, счастливейший период своей истории. Найденную доктором Громом золотоносную жилу граждане принялись разрабатывать с величайшим усердием.

На отхожий промысел в Москву потянулись все – умудренные опытом старики, молодые частники, ученики курсов декламации и уважаемые работники. Особенно пристрастились к этому делу городские извозчики в синих жупанах. Одно время в

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф и Илья Бродский в Колоколамске не работали ни один извозчик. Все они уезжали на отхожий. С котомками на плечах они падали под клятвийскую машину, отлеживались в госпиталях, а потом аккуратно вносили в посольство установленную сумму.

Между тем в Клятвии разразился неслыханный финансовый кризис. Расходы по содержанию посольства увеличились в такой степени, что пришлось урезать жалование государственным чиновникам и уменьшить армию с трехсот человек до пятнадцати. Зашевелилась оппозиционная правительству партия христианских социалистов. Председатель совета министров, господин Эдгар Павийнен, непрерывно подвергался нападкам оппозиционного лидера господина Суупа.

Когда под клятвийскую машину попал тридцатый по счету гражданин города Колоколамска, Никита Псов, и для уплаты ему вознаграждения пришлось закрыть государственную оперу, волнение в стране достигло предела. Ожидали путча со стороны военной клики.

В палату был внесен запрос:

– Известно ли господину председателю совета министров, что страна находится накануне краха?

На это господин председатель совета министров ответил:

– Нет, не известно.

Однако, несмотря на этот успокоительный ответ, Клятвии пришлось сделать внешний заем. Но и заем был съеден колоколамцами в какие-нибудь два месяца.

Шофер клятвийской машины, на которого уповало все государство, проявлял чудеса осторожности. Но колоколамцы необычайно наострились в удивительном ремесле и безошибочно попадали под машину. Рассказывали, что шофер однажды удирал от одного колоколамского дьякона три квартала, но сметливый служитель культа пробежал проходным двором и успел-таки броситься под машину.

Колоколамцы затаскали Клятвию по судам. Страна погибала.

С наступлением первых морозов из Колоколамска потащился в Москву председатель лжеартели «Личтруд» мосье Подлинник. Он долго колебался и хныкал. Но жена была беспощадна. Указывая мужу на быстрое обогащение сограждан, она сказала:

– Если ты не поедешь на отхожий, я брошусь под поезд. Подлинника провожал весь город. Когда же он садился в вагон, побывавшие на отхожем колоколамцы кричали:

– Головой не попади! Телега тяжелая! Подставляй ножку! Подлинник вернулся через два дня с забинтованной головой и большим, как расплывшееся чернильное пятно, синяком под глазом. Левой рукой он не владел.

– Сколько? – спросили сограждане, подразумевая под этим сумму пенсии из отощавшего клятвийского казначейства.

Но председатель лжеартели вместо ответа беззвучно заплакал. Ему было стыдно рассказать, что он по ошибке кинулся под автомобиль треста цветных металлов, что шофер вовремя затормозил и потом долго бил его, Подлинника, по голове и рукам американским гаечным ключом.

Вид мосье Подлинника был настолько страшен, что колоколамцы на отхожий промысел больше не ходили.

И только этот случай спас Клятвию от окончательного разорения.

Город снова заскучал, и мирная его заштатная жизнь длилась до тех пор, пока из Аргентины не приехал в Колоколамск чудный джентльмен в костюме из розового сукна.

Гость из Южной Америки

В воскресенье утром на Большой Месткомовской улице показался джентльмен, не виданный доселе в Колоколамске. На нем был костюм из розового шевиота и звездный галстук. От джентльмена веяло запахом душистых прерий. Он растерянно поворачивал

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф и Ландо голову по сторонам, и по его полному лицу катились перламутровые слезы умиления. Вслед за диковинным гражданином двигалась тачка с разноцветными чемоданами, толкаемая станционным носильщиком.

Добравшись до Членской площади, кортеж остановился. Здесь открылся такой восхитительный вид на город Колоколамск и обтекающую его реку Збрую, что розовый джентльмен громко заплакал. Из вежливости всхлипнул и носильщик. При этом от него распространился удушливый запах водки.

В таком положении застал их через час председатель лжеартели «Личтруд» мосье Подлинник, проходивший через Членскую площадь по делам артели.

Остановившись за десять шагов от незнакомца, Подлинник с удивлением спросил:

- Пардон, где вы достали такой костюм?
- В Буэнос-Айресе, – ответил плачущий джентльмен.
- А галстук?
- В Монтевидео.
- Кто же вы такой? – воскликнул Подлинник.
- Я колоколамец! – ответил джентльмен. – Я Горацио Федоренкос.

Восторгам председателя лжеартели не было пределов. Он хватал розового толстяка за талию, поднимал на воздух, громко целовал и громко задавал вопросы.

Через десять минут Подлинник знал все. Герасим Федоренко, тридцать лет тому назад уехавший из Колоколамска, нашел алмазные россыпи и неслыханно разбогател. Но, блуждая в степях Южной Америки, Горацио мечтал взглянуть хотя бы одним глазком на родной Колоколамск. И вот он здесь – рыдает от счастья.

Чествование соотечественника состоялось в анкетном зале военизированных курсов декламации и пения. Горацио Иванович заполнил почетную анкету, заключенную в шевровую папку, и поцеловался с начальником курсов Синдик-Бугаевским. Во время неофициальной части торжества Федоренкос плясал русскую. Он вилял спиной и мягко притопывал каучуковыми подошвами. На рассвете растрогавшийся Горацио принял решение увековечить приезд в родной город постройкой тридцатидвухэтажного небоскреба для своих сограждан.

– Брешет, – говорили колоколамцы, качая гостя. – Что-что, а насчет дома брешет! Такие дома не могут существовать в природе.

Каково же было их удивление, когда уже через неделю на Членской площади появились подъемные краны. Великие партии техников, инженеров и рабочих приехали из столичных центров. Постройкой верховодил сам Горацио. Он был одет в синий парусиновый комбинезон и деловито ругался на странной смеси русского и испанского языков.

Колоколамцы насмешливо поглядывали на постройку. Они ходили вокруг строящегося здания с видом несколько обиженных именинников и ограничивались тем, что воровали строительные материалы на топливо и высказывались в том смысле, что постройка движется слишком медленно.

К концу второго месяца небоскреб был почти готов. Тридцать второй этаж упирался в облака. Глубоко под землей кончали сборку электромоторов. Квадратные оконные стекла нижних этажей отражали дремучие леса и озера колоколамских окрестностей. А в окнах двадцать пятого этажа отражался даже губернский город, расположенный за 180 километров.

Оставалось смонтировать только водяное отопление, поставить в уборных фарфоровые унитазы и включить в общую электросеть кухонные плиты. Кроме того, не были закончены еще многие мелкие детали, без которых жизнь в большом доме становится невыносимой.

В это самое время распространился слух, что ночью в небоскреб самовольно

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф и Ландо вселился Никита Псов со всем своим хозяйством и цепной собакой. Говорили, что Никита захватил лучшую квартиру. Будку с цепной собакой он поместил на лестничной площадке своего этажа.

Этого было достаточно, чтобы колоколамцы, сжигаемые нетерпением, лавой ринулись в незаконченное здание для захвата квартир. На пути своем они сшибали с ног монтеров и десятников. Напрасно Горацио Федоренкос взывал к благоразумию сограждан. С непокрытой головой он стоял у парадных дверей, обшитых листовой медью, и кричал:

– Милицюс!

Внедрявшиеся в дом граждане только посмеивались и пренебрежно толкали Горацио Ивановича этажерками и топчанами. Федоренкос уехал. Его отъезда никто даже не заметил.

В новом доме поместился весь Колоколамск со всеми жителями, пивными, учреждениями, рогатым скотом и домашней птицей. Отделение милиции и многочисленные будуары для вытрезвления граждан разместились в центре дома – на шестнадцатом этаже.

По требованию колоколамцев пивные были распределены равномерно по всему зданию и для скорейшего достижения их разрешено было пользоваться вне очереди пассажирскими лифтами. Экспрессные лифты как самые емкие были отданы под перевозку рогатого скота. Каждое утро пастух сгонял коров в лифты и спускал их вниз – на пастбище.

На первых порах обрадованные граждане невоздержанно предавались празднествам. Они циркулировали по небоскребу с методичностью кровообращения: из квартиры в пивную ближайшего этажа, оттуда в будуар для вытрезвления, затем в милицию для составления протокола, потом в первый этаж – судиться и, наконец, в 29-й этаж – Этаж заключения.

Прошли праздники, наступили будни. По утрам во всех этажах стучали топоры. Колоколамцы рубили деревянные перегородки на дрова и топили ими перевезенные со старых квартир буржуйки.

Из труб незаконченного центрального отопления колоколамцы делали кровати. Медные дверные приборы шли на выделку зажигалок. Эту кустарную продукцию колоколамцы продавали в губцентре. На лестничных лаковых перилах сушилось белье, а на мраморных площадках были воздвигнуты дощатые дачные клозеты.

Никита Псов, житель 19-го этажа, тоскуя по привольной колоколамской жизни, залез как-то рубить дрова в лифт. Топором он зацепил какую-то кнопку, и лифт помчался. Он безостановочно летал в своей клетке вверх и вниз. Граждане высыпали на мраморные лестницы и в изумлении глядели на обезумевшую машину. В глазах у них сквозило недоверие к технике. Гражданка Псова, совершенно глупая баба, бегала за лифтом вниз и вверх и кричала:

– Никита Иваныч! Отдай хоть ключ от квартиры! Войтить в квартиру нельзя!

Дверь в квартиру Псовых взломали. Так как запереться было нечем, то квартиру воры очистили в ту же ночь. Подозрение падало на пятый этаж, этаж чрезвычайно подозрительный и уже названный Вороньей Слободкой.

Остановить лифт удалось лишь вечером второго дня. Для этого пришлось испортить динамо-машину. Дом погрузился во мрак. Извлеченный из лифта в полумертвом состоянии Никита Псов злобно протонал:

– Не надо нам таких домов! Все пошло от этого международного джентельмента!

Когда же он увидел свою опустошенную квартиру, то немедленно выселился из небоскреба в старую халупу, разбив предварительно камнями все стекла в ненавистной ему Вороньей Слободке. Гонимые холодом слободские насильственно вторглись в шестой этаж, где помещались чрезвычайно расширенные курсы декламации. Ученики-декламаторы пошли в хулиганы. На темных лестницах начались грабежи. С одиноких колоколамцев снимали шубы и калоши.

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф и Ландо
На квартиру Подлинников, проживавших в глухом 32-м этаже с испорченной канализацией, был произведен налет. Перепуганный председатель лжеартели последовал примеру Никиты Псова. В домоуправлении он заявил, что жить так высоко очень страшно, что ему к тому же мешает сырость от проносящихся под окнами облаков.

В течение трех дней небоскреб совершенно опустел. Колоколамцы ушли на старые места. Некоторое время оставалась еще милиция, но и она выехала.

Постепенно все оборудование чудесного небоскреба растащили по халупам. От здания остался только остов. Черные квадраты окон печально смотрели на дремучие леса и озера колоколамских окрестностей, и губернский город не отражался больше в окнах 25-го этажа.

Васисуалий Лоханкин

Давно уже Колоколамск не видел гробовщика Васисуалия Лоханкина в таком сильном возбуждении. Когда он проходил по Малой Бывшей улице, он даже пошатывался, хотя два последних дня вовсе не пил.

Он заходил во все дома по очереди и сообщал согражданам последнюю новость:

– Конец света. Потоп. Разверзлись хляби небесные. В губернном городе семь дней и семь ночей дождь хлещет. Уже два ответственных работника утонуло. Светопреставление начинается. Довели большевики до ручки! Поглядите-ка!

И Лоханкин дрожащей рукой показывал на небо. К городу со всех сторон подступали фиолетовые тучи. Горизонт грохотал и выбрасывал короткие злые молнии.

Впечатлительный гражданин Пферд из дома № 17 значительно развил сообщение Лоханкина. По полученным им, Пфердом, сведениям, Москва была уже затоплена и реки повсюду вышли из берегов, в чем он, Пферд, видел кару небесную. Когда же к кучке граждан, тревожно озиравших небеса, подбежала Сицилия Петровна в капоте из оранжевого фланелета и заявила, что потоп ожидается уже давно и об этом на прошлой неделе говорил ей знакомый коммунист из центра, в городе началась паника.

Колоколамцы были жизнелюбивы и не хотели гибнуть во цвете лет. Посыпались проекты, клонящиеся к спасению города от потопа.

– Может, переедем в другой город? – сказал Никита Псов, наименее умный из граждан.

– Лучше стрелять в небо из пушек, – предложил мосье Подлинник, – и разогнать таким образом тучи.

Но оба эти предложения были отвергнуты. Первое отклонили после блестящей речи Лоханкина, доказавшего, что вся страна уже затоплена и переезжать совершенно некуда. Вторым, довольно дельным предложением нельзя было воспользоваться за отсутствием артиллерии.

И тогда взоры всех колоколамцев с надеждой и вожделием обратились на капитана Ноя Архиповича Похотилло, который стоял немного поодаль от толпы и самодовольно крутил свои триумфальные усы. Капитан славился большим жизненным опытом и сейчас же нашелся.

– Ковчег! – сказал он. – Нужно строить ковчег!

– Ной Архипович! – застонала толпа в предчувствии великих событий.

– Считаться не приходится, – отрезал капитан Похотилло. – Благодарить будете после избавления.

На головы граждан упали первые сиреневые капли дождя. Это подстегнуло рвение колоколамцев, и к строительству ковчега приступили безотлагательно. В дело пошел весь лесоматериал, какой только нашелся в городе.

Рабочим чертежом служил рисунок Доре из восемнадцатифунтовой Семкиной Библии, которую принес дьякон живой церкви отец Огнепоклонников. К вечеру дождь

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф и Бродский усилился, пришлось работать под зонтиками. Крышу ковчега сделали из гробов Лоханкина, потому что не хватило лесоматериалов. Крыша блистала серебряным и золотым глазетом.

– Считаться не приходится, – говорил капитан Похотилло. На нем был штормовой плащ и зюйдвестка. Редкий дождь шел всю ночь. На рассвете в ковчег стали приезжать пассажиры. И тут только граждане поняли, что означает странное выражение капитана «Считаться не приходится». Считаться приходилось все время. Ной Архипович брал за все: за вход, за багаж, за право взять в плавание пару чистых или нечистых животных и за место на корме, где, по уверениям капитана, должно было меньше качать.

С первых пассажиров, в числе которых были мосье Подлинник, Пферд и Сицилия Петровна, сменившая утренний капот на брезентовый тальер, расторопный капитан взял по 80 рублей. Но потом Ной Архипович решил советских знаков не брать и брал царскими. Никита Псов разулся перед ковчегом и вынул из сапога «катеньку», за что был допущен внутрь с женой и вечнозеленым фикусом.

У ковчега образовалась огромная пробка. Хлебнувший водки капитан заявил, что после потопа денежное обращение рухнет, что денег ему никаких поэтому не надо, а даром спасать колоколамцев он не намерен. Ноя Архиповича с трудом убедили брать за проезд вещами. Он стоял у входа на судно и презрительно рассматривал на свет чьи-то диагональные брюки, подбрасывал на руке дутые золотые браслеты и не гнушался швейными машинками, отдавая предпочтение ножным.

Посадка сопровождалась шумом и криками. Подгоняемые дождем, который несколько усилился, граждане энергично напирали. Оказалось, что емкость ковчега ограничена двадцатью двумя персонами, включая сюда кормчего Похотилло и его первого помощника Лоханкина.

– Ковчег не резиновый! – кричал Ной Архипович, защищая вход своей широкой грудью.

Граждане с надрывом голосили:

– Пройдите в ковчег! Впереди свободнее!

– Граждане, пропустите клетку с воронами! – вопил Васисуалий Лоханкин.

Когда вороны были внесены, капитан Похотилло увидел вдали начальника курсов декламации и пения Синдик-Бугаевского, за которым в полном составе двигались ученики курсов.

– Ковчег отправляется! – испуганно закричал капитан. – Граждане! Сойдите со ступенек. Считаться не приходится!

Двери захлопнулись. Дождь грозно стучал о глазетовую крышку. Снаружи доносились глухие вопли обреченных на гибель колоколамцев. Великое плавание началось.

Три дня и три ночи просидели отборные колоколамцы в ковчеге, скудно питались, помалкивали и с тревогой ждали грядущего.

На четвертый день выпустили через люк в крыше ворону. Она улетела и не вернулась.

– Еще рано, – сказал Лоханкин.

– Воды еще не сошли! – разъярил капитан.

На пятый день выпустили вторую ворону. Она вернулась через пять минут. К левой ее ножке была привязана записочка:

«Вылезайте, дураки». И подпись: «Синдик-Бугаевский».

Отборные колоколамцы кинулись к выходу. В глаза им ударило солнце. Ковчег, весь в пыли, стоял на месте его постройки – посреди Малой Бывшей, рядом с пивной «Друг желудка».

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф и Бродский
– Позвольте, где же потоп? – закричал разобиженный Пфед. – Это все Лоханкин выдумал.

– Я выдумал? – возмущенно сказал Васисуалий Лоханкин. – А кто говорил, что реки вышли из берегов, что Москва уже утонула? Тоже Лоханкин?

– Считаться не приходится! – загремел Похотилло. И ударил гробовщика вороной по румянному лицу. Счеты с автором потопа граждане сводили до поздней ночи.

Город и его окрестности

Не находя нужным облекать таинственностью историю Колоколамска, доводим до сведений наших читателей, что:

а) Колоколамск действительно существует;

б) ничего общего с Волоколамском не имеет и

в) находится он как раз между РСФСР и УССР, так что не нанесен на географические карты ни одной из этих дружественных и союзных республик. В этом целиком приходится винить наших географов.

Что же касается газетных работников, очеркистов и описателей уездной жизни, то, даже стремясь в Колоколамск, они по странной иронии судьбы попадали в Ялту или Кисловодск, каковые города описывали с усердием, достойным лучшего применения.

Но автору вместе с художником К. Ротовым удалось попасть в Колоколамск, пожить там в отеле «Ряжск» и даже снять генеральный план с этого удивительного города.

Как видно из плана, славный город Колоколамск привольно и живописно раскинулся на левом берегу мелководной реки Збруи. В XIV веке конюх колоколамского князя Андрея Себялюбского, напившись византийской водки, уронил в речку сбрую княжеского мерина. Упряжь утонула, и с тех пор река получила название Збруи.

Со времени этого события прошли века, Себялюбская площадь давно переименована в Членскую, и легенду о потоплении сбруи знает только гражданин Псов-старший, который и рассказал ее нам за бутылкой в пивной «Друг желудка».

В реку Збрую впадает ничтожная речушка Вожа. О ней ничего не удалось узнать, ибо Псов-старший соглашался продлить свои воспоминания только после угощения во всех пивных, расположенных на Большой Месткомовской улице.

Последовательно угостившись за счет гостей в пивных «Санитас», «Заре навстречу», «Малорусь», «Огненное погребение», «Голос минувшего» и в пивной завода имени Емельяна Пугачева, Псов-старший не оправдал возложенных на него надежд, потому что потерял дар речи.

Упомянутая Большая Месткомовская улица является главной артерией города. Она соединяет железнодорожную станцию с Членской площадью, где высится остов небоскреба, история которого читателю уже известна. Затем Большая Месткомовская спускается к реке. Через паром, управляемый капитаном Н. Похотилло, можно переправиться на противоположный берег и попасть в дремучий лес, окружающий город и помешавший в свое время татарам предать Колоколамск огню и мечу, потоку и разграблению, гладу и мору.

Углубившись в лес, легко наткнуться на кустаря-одиночку портного Соловейчика. Здесь, в бору, он спасается от налогов, но, несмотря на это, берет за шитье так дорого, что получил у колоколамцев название Соловейчика-разбойника.

Вправо, на горе, высится артель бывших монахинь под названием «Деепричастие». Продукцию свою монахини сбывают в кооператив, что в Переуточном переулке, неподалеку от Семибатюшной заставы.

Восточная часть города справедливо гордится двумя Бывшими, на стыке которых был построен ковчег – Бездокладной и Землетрясенческой улицами. Последнюю назвали не так давно в честь очередного землетрясения в Японии.

Из переулков самым большим здесь является Похотливый переулок с прекрасными индивидуальными банями.

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф и Гандар

Обойдя молчанием ничем не выдающиеся Мелколавочный, Малосольный и Малахольный переулки, отметим темное пятно города – Приключенческий тупик. Он получил свое название из-за происходящих в нем ежевечерних ограблений запоздалых путников, которые заползают туда в пьяном виде.

Из достопримечательностей восточной части города отметим русско-украинское общество «Геть неграмотность» и горящий дом у Семибатюшной заставы. Дом этот горит ежедневно уже в течение пяти лет. Его каждое утро поджигает домовладелец брандмайор Огонь-Полыхаев, чтобы дать работу вверенной ему пожарной команде.

Южная, она же Привокзальная, часть Колоколамска отличается красотой расположенного на ней Старорежимного бульвара.

Кроме того, это самая фешенебельная часть города. Здесь находятся Спасо-Кооперативная площадь с лжепромысловой артелью «Личтруд» под председательством мосье Подлинника, воензированные курсы декламации и пения Синдика-Бугаевского, старинный храм Выявления Христа, оживленная Гигроскопическая улица с великолепным, но, к сожалению, все еще незаконченным зданием здравницы «Все за лечобу».

Особенно поражает на Спасо-Кооперативной площади могила неизвестного частника.

В начале нэпа в Колоколамск приехал никому не известный частник за конским волосом. Весь день он ездил по городу, закупая свой товар, к вечеру внезапно упал с извозчика на Спасо-Кооперативной и скоропостижно скончался. Документов при нем не оказалось.

Не желая отставать от Парижа, Брюсселя и Варшавы, устроивших у себя могилы неизвестных солдат, но не имея возможности раздобыть солдата (никто из колоколамцев никогда не воевал), горожане зарыли неизвестного частника на площади и зажгли на его могиле неугасаемый огонь. Каждую неделю, по субботам, Соловейчик-разбойник в парадной траурной кепке переправляется в центральную часть города на пароме и принимает у могилы неизвестного частника заказы на шитье.

Западная часть города состоит из трех улиц и одного переулка. Широкий, прямой, как стрела, Кресто-Выдвиженческий проспект украшен новой Кресто-Выдвиженческой церковью. Рядом с церковью помещается русско-украинское общество «Геть рукопожатие».

Единодушная улица и продолжение ее – Единогласная – соединяются с Южной частью города Досадным переулком. Между Единодушной и Единогласной высится каланча и милицейская часть.

Самая молодая часть города – Зазбруйная часть – стоит на стрелке, образуемой Вожжей и Збруей, и основное занятие проживающих здесь граждан лучше всего характеризуется названиями улиц.

Сюда приезжают колоколамцы за водкой по большим праздникам, когда закрыт кооператив.

Таков Колоколамск, в существовании которого, можно надеяться, никто теперь не усомнится.

Страшный сон

Бывший мещанин, а ныне бесцветный гражданин города Колоколамска Иосиф Иванович Завитков неожиданно для самого себя и многочисленных своих знакомых вписал одну из интереснейших страниц в историю города.

Казалось бы между тем, что от Завиткова Иосифа Ивановича нельзя было ожидать никакой прыти. Но таковы все колоколамцы. Даже самый тихий из них может в любую минуту совершить какой-нибудь отчаянный или героический поступок и этим лишним раз прославить Колоколамск.

Все было гладко в жизни Иосифа Ивановича. Он варил ваксу «Африка», тусклость которой удивляла всех, а имевшееся в изобилии свободное время проводил в пивной «Голос минувшего».

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф ilfandp

Оказал ли на Завиткова свое губительное действие запах ваксы, помрачил ли его сознание пенистый портер, но так или иначе Иосиф Иванович в ночь с воскресенья на понедельник увидел сон, после которого почувствовал себя в полном расстройстве.

Приснилось ему, что на стыке Единодушной и Единогласной улиц повстречались с ним трое партийных в кожаных куртках, кожаных шляпах и кожаных штанах.

– Тут я, конечно, хотел бежать, – рассказывал Завитков соседям, – а они стали посреди мостовой и поклонились мне в пояс.

– Партийные? – восклицали соседи.

– Партийные! Стояли и кланялись. Стояли и кланялись.

– Смотри, Завитков, – сказали соседи, – за такие факты по головке не гладят.

– Так ведь мне же снилось! – возразил Иосиф Иванович, усмехаясь.

– Это ничего, что снилось. Были такие случаи... Смотри, Завитков, как бы чего не вышло!

И соседи осторожно отошли подальше от производителя ваксы. Целый день Завитков шлялся по городу и, вместо того чтобы варить свою «Африку», советовался с горожанами касательно виденного во сне. Всюду он слышал предостерегающие голоса и к вечеру лег в свою постель со стесненной грудью и омраченной душой.

То, что он увидел во сне, было настолько ужасно, что Иосиф Иванович до полудня не решался выйти на улицу.

Когда он переступил наконец порог своего дома, на улице его поджидала кучка любопытствующих соседей.

– Ну, Завитков? – спросили они нетерпеливо.

Завитков махнул рукой и хотел было юркнуть назад, в домик, но уйти было не так-то легко. Его уже крепко обнимал за талию председатель общества «Геть рукопожатие» гражданин Долой-Вышневецкий.

– Видел? – спросил председатель грозно.

– Видел, – устало сказал Завитков.

– Их?

– Их самых.

И Завитков, вздыхая, сообщил соседям второй сон. Он был еще опаснее первого. Десять партийных, все в кожаном, с брезентовыми портфелями, кланялись ему, беспартийному Иосифу Ивановичу Завиткову, прямо в землю на Спасо-Кооперативной площади.

– Хорош ты, Завитков, – сказал Долой-Вышневецкий, – много себе позволяешь!

– Что же это, граждане, – гомонили соседи, – этак он весь Колоколамск под кодекс подведет.

– Где же это видано, чтоб десять партийных одному беспартийному кланялись?

– Гордый ты стал, Завитков. Над всеми хочешь возвыситься.

– Сон это, граждане! – вопил изнуренный Завитков. – Разве мне это надо? Во сне ведь это!

За Иосифа Ивановича вступился председатель лжеартели мосье Подлинник.

– Граждане! – сказал он. – Слов нет, Завитков совершил неэтичный поступок. Но

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф и Гандер должны ли мы сразу же его заклеить? И я скажу – нет. Может быть, он на ночь съел что-нибудь нехорошее. Простим его для последнего раза. Надо ему очистить желудок. И пусть заснет спокойно.

Председатель лжеартели своей рассудительностью завоевал в городе большое доверие. Собравшиеся согласились с мосье Подлинником и решили дожидаться следующего утра.

Устрашенный Завитков произвел тщательную прочистку желудка и заснул с чувством приятной слабости в ногах.

Весь город ожидал его пробуждения. Толпы колоколамцев запрудили Бездокладную улицу, стараясь пробраться поближе к Семибатушной заставе, где находился скромный домик производителя ваксы.

Всю ночь спящий Завитков подсознательно блаженствовал. Ему поочередно снилось, что он доит корову, красит ваксой табуретку и гоняет голубей. Но на рассвете начался кошмар. С поразительной ясностью Завитков увидел, что по губернскому шоссе подъехал к нему в автомобиле председатель Губисполкома, вышел из машины, стал на одно колено и поцеловал его, Завиткова, в руку.

Со стоном выбежал Завитков на улицу. Розовое солнце превосходно осветило бледное лицо мастера ваксы.

– Видел! – закричал он, бухаясь на колени. – Председатель исполкома мне ручку поцеловал. Вяжите меня, православные!

К несчастному приблизились Долой-Вышневецкий и мосье Подлинник.

– Сам понимаешь, – заметил Долой-Вышневецкий, набрасывая веревки на Иосифа Ивановича, – дружба дружбой, а хвост набок.

Толпа одобрительно роптала.

– Пожалуйста, – с готовностью сказал Завитков, понимавший всю тяжесть своей вины, – делайте что хотите.

– Его надо продать! – заметил мосье Подлинник с обычной рассудительностью.

– Кто же купит такого дефективного? – спросил Долой-Вышневецкий.

И, словно в ответ на это, зазвенели колокольчики бесчисленных троек, и розовое облако снежной пыли взметнулось на Губ-шоссе.

Это двигался из Витебска на Камчатку караван кинорежиссеров на съемку картины «Избушка на Байкале». В передовой тройке скакал взмыленный главный режиссер.

– Какой город? – хрипло закричал главреж, высываясь из кибитки.

– Колоколамск! – закричал из толпы Никита Псов. – Колоколамск, ваше сиятельство!

– Мне нужен типаж идиота. Идиоты есть?

– Есть один продажный, – вкрадчиво сказал мосье Подлинник, приближаясь к кибитке. – Вот! Завитков!

Взор режиссера скользнул по толпе и выразил полное удовлетворение. Выбор нужного типажа был великолепен. Что же касается Завиткова, то главрежа он прямо-таки очаровал.

– Давай! – рявкнул главный.

Связанного Завиткова положили в кибитку. И караван вихрем вылетел из города.

– Не поминайте лихом! – донеслись из поднявшейся метели слова Завиткова.

А метель все усиливалась и к вечеру нанесла глубочайшие сугробы. Ночью небо очистилось. Как ядро, выкатилась луна. Оконные стекла заросли морозными

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф и Бродский пальмами. Город мирно спал. И все видели обыкновенные мирные сны.

Пролетарий чистых кровей
Колоколамцы не в шутку обижались, когда им указывали на то, что в их славном городе нет пролетариев.

– Как нет? – восклицали колоколамцы. – А Взносков! Наш-то Досифей Взносков! Слава богу, не какой-нибудь частник. Пролетарий чистых кровей.

Весь город гордился Досифеем Взносковым, один лишь Досифей Взносков не гордился самим собой. Дела его шли плохо.

Взносков был холодным сапожником, проживал в Зазбруйной части города, на Штопорной улице, а работал на Привозном рынке в базарные дни.

То ли базарных дней было мало, то ли колоколамцы, не склонные к подвижности, почти не изнашивали обуви, но заработки у Досифея были ничтожны, и он сильно горевал.

– Пролетарий я, действительно пролетарий, – говорил он хмуро. – И кровей, слава тебе господи, не смешанных. Чай, не мулат какой-нибудь. А что толку? Выпить не на что!

В таком настроении забрел он однажды на квартиру к мосье Подлиннику. Цель у Взноскова была простая – отвести душу. А всем в городе было известно, что отвести душу легче всего в разговоре с рассудительным председателем лжеартели.

Подлинник, облаченный в рубашку-гейша, с расшитой кренделями грудью, сидел за обеденным столом.

Перед ним дымился суп-пейзан, в котором привольно плавал толстый кусок мяса. Водка в пузатом графине отливала оловом и льдом.

– Принимайте гостя, товарищ Подлинник, – сказал холодный сапожник, входя, – чай, не мулат, не метис какой-нибудь.

– О чем может быть речь! – ответил лжепредседатель. – Садитесь, мосье Взносков. Вон там, возле граммофона стоит пустой стул.

Досифей покосился на пар, восходивший над супом-пейзан, и, жмуря глаза от ртутного блеска графинчика, уселся в углу комнаты и начал обычные жалобы.

– Пролетарий я, действительно. Не индеец какой-нибудь. Чистых кровей. А выпить тем не менее не на что.

Несмотря на этот прямой намек, Досифей приглашен к столу не был. Подлинник, багровея, проглотил большой кусок мяса и, отдышавшись, молвил:

– Удивляюсь я вам, мосье Взносков. С вашим происхождением...

– На черта мне это происхождение! – с тоской произнес холодный сапожник. – Из происхождения шубы не сошьешь.

Подлинник застыл с вилок в руке, держа ее словно трезубец.

– Вы думаете, не сошьешь шубы? Из происхождения, вы думаете, нельзя сшить шубы?

– Нельзя!

И сапожник печально постучал пальцем по розовой граммофонной трубе. Подлинник вдруг поднялся из-за стола и задумчиво прошелся по комнате. Минуты две он размышлял, а затем внес совершенно неожиданное предложение:

– Тогда, мосье Взносков, – сказал он, – продайте мне свое происхождение. Раз оно не подходит вам, то оно, может быть, подойдет мне. Много дать я не могу. Дела теперь всюду в упадке. Одним словом, что вы хотите?

Холодный сапожник еще раз глянул на графинчик и вступил в торг. Он требовал:

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф и Ландо
яловочные сапоги одни, портьеру одну, четверть водки и три рубля деньгами.
Подлинник со своей стороны предлагал рюмку водки и тарелку супа-пейзан.

Торговались они долго. Продавец, рассердившись, уходил, Подлинник выбегал за ним на улицу и кричал «Пссст», продавец возвращался, и снова уходил, и вновь возвращался, но Подлинник не прибавил ничего. На том и сошлись. Пролетарское происхождение было продано за рюмку водки и суп-пейзан.

– Смотрите, мосье Взносков, – сказал Подлинник. – А оно у вас настоящее, это происхождение?

– Чай, не абиссинец! – возразил холодный сапожник, с удовольствием проглатывая водку. – Чистых кровей. Товар настоящий.

И слава Досифея Взноскова – слава, которую он не сумел оценить, померкла. На колоколамский небосклон торжественно выплыла тучная звезда почетного городского пролетария мосье Подлинника.

Председатель лжеартели вцепился в свое новое происхождение с необыкновенным жаром. На Привозном рынке он приобрел связку лаптей и якобы пешим ходом смотался в губцентр, чтобы поднести лапоточки ответработнику товарищу Плинтусову, его жене мадам Плинтусовой и их детям: мальчику Гоге и девочке Демагоге.

Назад взамен лаптей Подлинник привез большое удостоверение какого-то кредитного товарищества с резолюцией товарища Плинтусова – «удовлетворить». Что значилось в удостоверении, не знала даже мадам Подлинник, но мощь его была настолько велика, что позволила новому пролетарию значительно расширить обороты лжеартели и близко познакомиться с прекрасным словом «сверхприбыль».

Мосье Подлинник ходил теперь в коричневой кожаной тужурке с бобровым воротником, в каракулевой кепке и в фетровых сапогах, восходящих к самым бедрам.

– Слава богу, – скромно говорил он, – я не какой-нибудь мулат. Пролетарий чистой крови.

Для того чтобы устранить последние сомнения в чистоте своего происхождения, Подлинник нарисовал свое родословное древо. Ветви этого древа сгибались под тяжестью предков мосье.

По мужской линии род Подлинника восходил к Степану Разину, а по женской – к Фердинанду Лассалю.

Из этого же древа явствовало, что прапрапрадедушка мосье в свое время был единственным в Киеве полянином, который протестовал против захватнической политики Аскольда и Дира.

Это был пир генеалогии, знатности и богатства.

О холодном сапожнике, продавшем свое происхождение, все забыли, но сам Досифей Взносков страдал невыразимо. Позднее раскаяние грызло его душу. Он не спал по ночам, похудел и перестал пить.

И однажды все увидели, как Досифей прошел через город, неся в правой руке дымящуюся тарелку супа-пейзан, а в левой – рюмку водки. Он шел как сомнамбула, шел выкупать свое пролетарское происхождение.

Он вошел в дом Подлинника и с дарами в руках остановился на пороге.

Мосье пролетарий сидел за безбрежным письменным столом. На мизинце его левой руки блистал перстень с бриллиантовыми серпом и молотом. Стена была увешана редчайшими портфелями. Они висели, как коллекция старинного оружия.

– Вы пришли к занятому человеку, – сказал Подлинник.

– Вот суп, – робко сказал Досифей, – а вот и водка. Отдайте мне назад мое пролетарское происхождение.

Подлинник встрепенулся.

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф ilfandr

– Тронутое руками считается проданным, – сказал он ясным голосом. – Происхождение в последнее время поднялось в цене. И я могу обменять его только на партийный билет. Может быть, у вас есть такой билет?

Но у Досифея Взносова билета не было. Он был безбилетный.

Медленно он вышел от Подлинника и удалился в свою Зазбруйную часть. Переходя реку по льду, он остановился у проруби, с тоской оглянулся и бросил в воду тарелку с уже остывшим супом и рюмку с водкой.

Золотой фарш

Целую неделю новая курица гражданина Евтушевского не неслась. А в среду в 8 часов и 40 минут вечера снесла золотое яйцо.

Это совершенно противоестественное событие произошло следующим образом.

С утра Евтушевский, как обычно, был занят: продавал дудки, копался в огорожке, заряжал и разряжал партию мышеловок, изготовленную по заказу председателя промысловой лжеартели «Личтруд» мосье Подлинника.

После обеда старый дудочник залез в соседний двор за навозом для кирпича, но был замечен. В него бросили палкой и попали. До самых сумерек Евтушевский стоял у плетня и однообразно ругал соседей.

День был вконец испорчен. Жизнь казалась отвратительной. Дудок в этот день никто не купил. Пополнить запасы топлива не удалось. Курица не неслась.

В таких грустных размышлениях застали Евтушевского мосье и мадам Подлинники. Они приходили за своими мышеловками только в безлунные вечера, потому что официально считалось, что чета Подлинников приготавливает мышеловки сама, не эксплуатируя чужой труд.

– Имейте в виду, мосье Евтушевский, – сказал председатель лжеартели, – что ваши мышеловки имеют большой дефект.

– Дефект и минус! – укоризненно подтвердила мадам Подлинник.

– Ну да! – продолжал мнимый председатель – Ваши мышеловки слишком сильно действуют. Клиенты обижаются. У Бибиных вашу мышеловку нечаянно зацепили. Она долго прыгала по комнате, выбила стекло и упала в колодец.

– Упала и утонула, – добавила председательша. Евтушевский погрузился еще больше.

Вдруг в углу, где толкалась курица, раздалось бормотанье и затрещали крылья.

– Ей-богу, сейчас снесется! – закричал дудочник, вскочив.

Но слова его были заглушены таким громким стуком, как будто бы на пол упала гиря. На середину комнаты, гремя, выкатилось темное яйцо и, описав параболическую кривую, остановилось у ног хозяина дома.

– Что т-такое?

Евтушевский взял со стола керосиновую лампу с голубым фаянсовым резервуаром и нагнулся, чтобы осветить странный предмет. Вместе с Евтушевским наклонилась к полу и лжеартельная чета.

Жидкий свет лампы образовал на полу бледный круг, посредине которого матово блистало крупное золотое яйцо.

Оторопь взяла присутствующих. Первым очнулся мосье Подлинник.

– Это большое достижение! – сказал он деревянным голосом.

– Достижение и плюс, – добавила жена, не сводя лунатических глаз с драгоценного предмета.

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф ilfandp
Подлинник потянулся к яйцу рукой.

– Не балуй! – молвил дудочник и схватил вороватую руку. Голос у него был очень тихий и даже робкий, но вцепился он в Подлинника мертвой хваткой. Мадам он сразу же ударил ногой, чтоб не мешала. Курица бегала вокруг, страстно кудахтала и увеличивала суматоху.

Минуту все помолчали, а затем разговор возобновился.

– Пустите, – сказал лжепредседатель. – Я только хотел посмотреть, – может, яйцо фальшивое.

Не отпуская Подлинника, Евтушевский поставил лампу на стол и поднял яйцо с пола. Оно было тяжелым и весило не меньше трех фунтов.

– Яичко что надо, – завистливо сказал мосье. – Но, может быть, оно все-таки фальшивое.

– Чего еще выдумали, – дудочник высокомерно усмехнулся, – станет вам курица нести фальшивые золотые яйца. Фантазия ваша! Слуш-шай-те... Да тут же проба есть. Ей-богу... как на обручальном кольце.

На удивительном яйце действительно было выбито клеймо пробирной палатки, указывавшее 56-ю пробу.

– Ну, теперь вас арестуют, – сказал Подлинник.

– И задавят налогами! – добавила мадам.

– А курицу отберут.

– И яйца отберут.

Евтушевский растерялся. Известковые тени легли на его лицо.

– Какие яйца? Ведь есть же только одно яйцо.

– Пока одно. Потом будет еще. Я уже слышал об этом. Это же известная история о том, как курица несла золотые яйца. Евтушевский, мосье Евтушевский! Имейте в виду, мосье Евтушевский, что один дурак такую курицу уже зарезал. Был такой прецедент.

– И что там было внутри? – с любопытством спросил старый дудочник.

– Ничего не было. Что там может быть? Потроха... Евтушевский тяжело вздохнул, повертел яйцо в руке и стал шлифовать его о брюки. Яйцо заблестело пуще прежнего. Лучи лампы отражались на его поверхности лампадным, церковным блеском. Евтушевский не проронил ни слова.

Председатель лжеартели озабоченно бегал вокруг старого дудочника. Он очень волновался, давил ногами клетки и чуть даже не наступил на притихшую курочку.

Евтушевский молчал, тупо глядя на драгоценное яйцо.

– Мосье Евтушевский! – закричал Подлинник. – Почему вы молчите? Я же вам разъяснил, что в курице никакого золота не может быть. Слышите, мосье Евтушевский?

Но владелец чудесной курицы продолжал хранить молчание.

– Он ее зарежет! – закричал Подлинник.

– Зарежет и ничего не найдет! – добавила мадам.

– Откуда же берется золото? – раздался надтреснутый, полный низменной страсти голос Евтушевского.

– Вот дурак! – заорал разозленный лжепредседатель. – Оттуда и берется.

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф и Ландо

– Нет, вы скажите, откуда «оттуда»?

Мосье Подлинник с ужасом почувствовал, что ответить на этот вопрос не может. Минуты две он озадаченно сопел, а потом сказал:

– Хорошо. Мне вы не верите. Не надо. Но председателю общества «Геть неграмотность» вы можете поверить? Ученому человеку вы доверяете?

Евтушевский не ответил.

Супруги Подлинник ушли, оставив старого дудочника наедине со своими тяжелыми мыслями. Всю ночь маленькое окошечко домика было освещено. Из дома несло кудахтанье курицы, которой Евтушевский не давал спать. Он поминутно брал ее на руки и окидывал безумным взглядом.

К утру весь Колоколамск уже знал о чудесном яйце. Супруги Подлинник провели остаток вечера в визитах. Всюду под строжайшим секретом они сообщали, что курица Евтушевского снесла три фунта золота и что никакого жульничества здесь быть не может, так как на золоте есть клеймо пробирной палатки.

Общее мнение было таково, что Колоколамску предстоит блестящая будущность. Началось паломничество к домику Евтушевского. Но проникнуть в дом никому не удалось – дудочник не отвечал на стук в двери.

Наконец к дверям домика протиснулись Подлинники, ведя с собой председателя смешанного русско-украинского общества «Геть неграмотность» товарища Балюстрадников. Это был человек очень худой и такой высокий, что в городе его называли человеком-верстой.

После долгих препирательств Евтушевский открыл дверь, и делегация, провожаемая завистливыми взорами толпы, вошла в достопримечательное отныне жилище Евтушевского.

– Гм, – заметил Балюстрадников и сразу же взялся за яйцо.

Он поднес его к глазам, почти к самому потолку, с видом человека, которому приходится по нескольку раз в день видеть свежеснесенные, еще теплые золотые яйца.

– Не правда ли, мосье Балюстрадников, – начал Подлинник, – это глупо, то, что хочет сделать мосье Евтушевский? Он хочет зарезать курицу, которая несет золотые яйца.

– Хочу, – прошептал Евтушевский.

За ночь он понял все. Он уже не сомневался в том, что курица начинена золотом и нет никакого смысла тратиться на ее прокорм и ждать, когда она соблаговолит разрешиться новым яйцом.

Председатель общества «Геть неграмотность» погрузился в размышления.

– Надо резать! – вымолвил он наконец. Евтушевский, словно бы освобожденный от заклятия, стал гоняться за курицей, которая в бегстве скользила, припадала на одну ножку, летала над столами и билась об оконное стекло. Подлинник был в ужасе.

– Зачем резать? – кричал он, наседая на «Геть неграмотность». «Геть» иронически улыбнулся. Он сел и покачал ногой, заложенной за ногу.

– А как же иначе? Ведь курица питается не золотом. Значит, все золото, которое она может снести, находится в ней. Значит, нужно резать.

– Но позвольте!.. – вскричал Подлинник.

– Не позволю! – ответил Балюстрадников.

– Спросите кого угодно. И все вам скажут, что нельзя резать курицу, которая

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф и Ландо несет золотые яйца.

– Пожалуйста. Под окном весь Колоколамск. Я не возражаю против здоровой критики моих предложений. Спросите.

Председатель лжеартели ударил по оконной раме, как Рауль де Нанжи в четвертом действии оперы «Гугеноты», и предстал перед толпой.

– Граждане! – завопил он. – Что делать с курицей?

И среди кристальной тишины раздался бодрый голосок стоящего впереди всех старичка с седой бородой ниже колен.

– А что с ей делать, с курицей-то?

– Заре-езать! – закричали все.

– В таком случае я в долю! – воскликнул мосье Подлинник и ринулся за курицей, которая никак не давалась в руки дудочника.

В происшедшем замешательстве курица выскочила в окно и, пролетев над толпой, поскакала по Бездокладной улице. Преследователи, стукаясь головами о раму, выбросились на улицу и начали погоню.

Через минуту соотношение сил определилось так.

По пустой, нудной улице, подымая пыль, катилась курица Барышня. В десяти метрах от нее на длинных ногах поспешал человек-верста. За ним, голова в голову, мчались Евтушевский с Подлинником, а еще позади нестройной кучей с криками бежали колоколамцы. Кавалькаду замыкала мадам Подлинник со столовым ножом в руке.

На площади Барышню, вмешавшуюся в общество простых колоколамских кур, схватили, умертвили и выпотрошили. Золота в ней не было и на грош.

Кто-то высказал предположение, что зарезали не ту курицу. И действительно, внешним своим видом Барышня ничем не отличалась от прочих колоколамских кур.

Тогда началось поголовное избиение домашней птицы. Сгоряча резали и потрошили даже гусей и уток. Особенно свирепствовал председатель общества «Геть неграмотность». В общей свалке и неразберихе он зарезал индюка, принадлежавшего председателю общества «Геть рукопожатие».

Золотого фарша нигде не нашли.

Смеющегося Евтушевского увезли на телеге в психбольницу.

Когда милиция явилась в дом Евтушевского, чтобы описать оставшееся после него имущество, с подгнившего бревенчатого потолка тяжело, как гиря, упал и покатился по полу какой-то круглый предмет, обернутый в бумажку.

В бумажке оказалось золотое яйцо, точь-в-точь как первое. Была и 56-я проба. Но кроме этого на яйце были каллиграфически выгравированы слова:

«С новым годом!»

На бумажке была надпись:

«Передать С.Т. Евтушевскому. Дорогой сын! Эти два яйца – все, что осталось у меня после долгой беспорочной службы в пробирной палатке. Когда-нибудь эти яички тебя порадуют.

Твой папа Тигрий Евтушевский».

Красный Калошник-Галошник

На рассвете морозного февральского дня население славного города Колоколамска было разбужено нестройным ружейным залпом.

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф и Бранд

Жители в валенках, надетых прямо на исподнее, высыпали на улицы. Последовавший сейчас же после залпа набат усилил тревогу. Надтреснутые теноровые звуки колоколов Крестовыдвиженческой церкви были мощно поддержаны басовыми нотами, которые неслись с колокольни храма Выявления Христа.

Как всегда бывает во время неожиданной тревоги, граждане отлично знали, в каком направлении нужно бежать. И в скором времени Спасо-Кооперативная площадь была запружена толпой.

У могилы неизвестного частника в полном недоумении стоял весь штат колоколамской милиции, состоящий из четырех пеших милиционеров и их начальника товарища Отмежуева. Ружья милиционеров еще дымились. Отмежуев держал в руке наган, направляя дуло его к молочным небесам.

– В кого стреляют? – закричал Никита Псов, врезываясь в толпу.

Он несколько запоздал, и по его внешнему виду (сквозь распахнувшийся сторожевой тулуп гражданина Псова была видна волосатая грудь, увенчанная голубой татуировкой в виде голой дамочки с пенящейся кружкой пива) можно было заключить, что если он сейчас же, немедленно, не узнает, в кого стреляют, с ним может приключиться разрыв сердца.

Но Отмежуев не ответил. Задрав голову вверх, он пронзительно смотрел на низкие снежные облака.

Постепенно и толпа заприметила плывущий над площадью воздушный шар, похожий на детский мяч в сетке.

– По вражескому самолету, – отчаянным голосом скомандовал Отмежуев, – пальба шеренгой!!

Шеренга, зажмутив глаза, выпалила.

– Недолет! – с сожалением крикнул Никита Псов. – Ну, все равно не уйдут, черти! Шляпами закидаем!

И тут же поделился с толпой своими соображениями:

– Знаем мы этих летунов! Это из страны Клятвии штурмовать наш Колоколамск летят. Ясное дело!

Слух о нашествии врага исторг у собравшихся на площади протяжный вопль.

Прежде чем Никита Псов, побегом домой за топором, успел вернуться назад, воздушный шар быстро пошел на снижение. Через пять минут толпа уже различала большую камышовую корзинку и надпись, шедшую наискось шара:

«Красный Калошник-Галошник».

Насчет явно русской надписи сомнений ни у кого не возникло. Мосье Подлинник, успевший занять наилучшее место на могиле неизвестного частника, сразу же заявил, что надпись поддельная и сделана она коварными клятвийцами для того, чтобы ввести колоколамцев в заблуждение и тем легче их завоевать.

Отмежуев скомандовал, и новый залп поколебал морозный воздух.

Тут зрители заметили испуганные лица воздухоплателей, которые свешивались за борт корзины.

– Сдавайся! – завопил подоспевший гражданин Псов, потрясая топором.

Воздухоплатели размахивали руками и что-то кричали, но их слова таяли, не долетая до земли. Пылкий Отмежуев открыл беспорядочную стрельбу, после чего в толпу полетели мешки с балластом.

Шар на минутку взмыл, но, продырявленный колоколамскими пулями, снова пошел ко дну. Теперь расстроенные лица аэронавтов были видны настолько ясно, что толпа

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф и Ландо стала торжествовать победу.

– Сдаемся! – закричал пожилой воздухоплаватель в роговых очках. – Сдаемся, дураки вы этикие!

Аэростат снизился до высоты двухэтажного дома.

– Вот еще идиоты! – кричали сверху. – Навязались на нашу голову.

– Ладно уж! – отвечали снизу. – Сходи, Клятвия, на землю. Здесь посчитаемся!

При этих словах Никита Псов приветственно взмахнул топором. Этот жест заставил лица воздухоплавателей перекокситься.

– Что вы делаете?! – кричали калошники-галошники. Никита Псов не ответил. Он высоко подпрыгнул в надежде достать топором корзину.

– Чтоб вы сдохли! – истерически закричали сверху и сбросили вниз измерительные приборы и примус.

Но так как шар все же не поднимался, летуны стали суетливо раздеваться и сбрасывать на землю шубы, пиджаки, валяные сапоги, элегантные подтяжки и перцовую колбасу.

– Консервов нету? – деловито крикнул мосье Подлинник.

– Сукины вы сыны! – ответили воздухоплаватели, уносясь в небеса.

Отмежуев объявил стрельбу пачками, после чего «Красный Калошник-Галошник» камнем свалился на площадь. Один аэронавт вывалился при падении и немедленно был взят в плен. Шар, гонимый ветром, потащил остальных по Старорежимному бульвару к центру города.

Толпа бросилась в погоню. Впереди всех гнался за неприятелем брандмайор Огонь-Полыхаев со своими приспешниками из пожарной команды.

На Членской площади беглый шар был настигнут, и летуны были пленены.

– Что же вы, черти, – плача, вопрошал главный аэронавт в роговых очках и фрезовых кальсонах, – на своих кидаетесь с топорами?! Шар прострелили, дураки!

Недоразумение быстро разъяснилось. Полет был организован газетой «Красная акация», для какой цели был зафрахтован воздушный корабль «Красный Калошник-Галошник».

– Написано на вас, что вы спортсмены? – угрюмо говорил Отмежуев. – Откуда мне знать? По уставу, после трехкратного предупреждения обязан стрелять. А вы говорите, что не слышали. Надо было слышать!

– Да ну вас, болванов! – сказал человек в очках. – Давайте лучше шар чинить.

Но шара уже не было. Он пропал бесследно.

Зато на другой день после отъезда неудачливых калошников-галошников из города во всех магазинах Колоколамска продавались непромокаемые пальто из отличного прорезиненного шелка.

Собачий поезд

Обычно к двенадцати часам дня колоколамцы и прелестные колоколамки выходили на улицы, чтобы подышать чистым морозным воздухом. Делать горожанам было нечего, и чистым воздухом они наслаждались ежедневно и подолгу.

В пятницу, выпавшую в начале марта, когда на Большой Месткомовской степенно циркулировали наиболее именитые семьи, с Членской площади послышался звон бубенцов, после чего на улицу выкатил удивительный экипаж.

В длинных самоедских санях, влекомых цугом двенадцатью собаками, вольно сидел закутанный в оленью доху молодой человек с маленьким тощим лицом.

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф и Ландо

При виде столь странной для умеренного колоколамского климата запряжки граждане проявили естественное любопытство и шпалерами расположились вдоль мостовой.

Неизвестный путешественник быстро покотился по улице, часто похлестывая бичом взмыленную левую пристяжную в третьем ряду и зычным голосом вскрикивая:

– Шарик, черт косою! Но-о-о, Шарик! Доставалось и другим собачкам.

– Я т-тебе, Бобик!.. Но-о-о, Жучка!.. Побери-и-гись!! Колоколамцы, не зная, кого послал бог, на всякий случай крикнули «ура!».

Незнакомец снял меховую шапку с длинными сибирскими ушами, приветственно помахал ею в воздухе и около пивной «Голос минувшего» придержал своих неукротимых скакунов.

Через пять минут, привязав собачий поезд к дереву, путешественник вошел в пивную. На стене питейного заведения висел плакат: «Просьба о скатерти руки не вытирать», хотя на столе никаких скатертей не было.

– Чем прикажете потчевать? – спросил хозяин дрожащим от волнения голосом.

– Молчать! – закричал незнакомец. И тут же потребовал полдюжины пива.

Колоколамцам, набившимся в пивную, стало ясно, что они имеют дело с личностью незаурядной. Тогда из толпы выдвинулся представитель исполнительной власти и с беззаветной преданностью в голосе прокричал прямо по Гоголю:

– Не будет ли каких-нибудь приказаний начальнику милиции Отмежуеву?

– Будут! – ответил молодой человек. – Я профессор центральной изящной академии пространственных наук Эммануил Старохамский.

– Слушаюсь! – крикнул Отмежуев.

– Метеориты есть?

– Чего-с?

– Метеориты или так называемые болиды у вас есть?

Отмежуев очень испугался. Сперва сказал, что есть. Потом сказал, что нету. Затем окончательно запутался и пробормотал, что есть один гнойник, но, к сожалению, еще недостаточно выявленный.

– Гнойниками не интересуюсь! – воскликнул молодой восемнадцатилетний профессор, которому пышные лавры Кулика не давали покою. – По имеющимся в центральной академии сведениям, у вас во время царствования Александра Первого благословенного упал метеорит величиною в Крымский полуостров.

Представитель исполнительной власти совершенно потерялся, но положение спас мосье Подлинник, мудрейший из колоколамцев.

Он приветствовал юного профессора на восточный манер, прикладывая поочередно ладонь ко лбу и к сердцу. Он думал, что так нужно приветствовать представителей науки. Покончив с этим церемонным обрядом, он заявил, что из современников Александра Первого благословенного в городе остался один лишь беспартийный старик по фамилии Керосинов и что старик этот единственный человек, который может дать профессору нужные ему разъяснения.

Керосинов, хотя и зарос какими-то корнями, оказался бодрым и веселым человеком.

– Ну что, старик, – дружелюбно спросил профессор, – в крематорий пора?

– Пора, батюшка, – радостно ответил полуторавековый старик, – в наш, советской крематорий. В наш-то колумбарий!

Потом подумал и добавил:

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф и Ландо

– И планетарий.

– Метеорит помнишь?

– Как же, батюшка, помню. Все приезжали, Александр Первый приезжал. И Голенищев-Кутузов приезжал с Эггертом и Малиновской. И этот, который крутит, киноимпатор приезжал. И Анри Барбюс в казенной пролетке приезжал. Расспрашивал про старую жизнь, я, конечно, таить не стал. Истязали, говорю. В 1801 году, говорю.

Тут старик понес такую чушь, что его увели. Больше никаких сведений о метеорите профессор Старохамский получить не смог.

– Ну-с, – задумчиво молвил профессор, – придется делать бурение.

За пиво он не заплатил, раскинул на Большой Месткомовской палатку и зажил там, ожидая, как он говорил, средств из центра на бурение.

Через неделю он оброс бородкой, задолжал за шесть grossов пива и лишился собак, которые убежали от него и рыскали по окраинам города, наводя ужас на путников.

Колоколамцам юный профессор полюбился, и они очень его жалели.

– Пропадает наш Старохамский без средствиев, – говорили они дома за чаем, – а какое же бурение без средствиев!

По вечерам избранное общество собиралось в «Голосе минувшего» и разглядывало погибающего путешественника.

Профессор сидел за зеленым барьером из пивных бутылок и пронзительным голосом читал вслух московские газеты. По его маленькому лицу струились пьяные слезы.

– Вот, пожалуйста, что в газетах пишут, – бормотал он. – «Все на поиски профессора Старохамского», «Экспедиция на помощь профессору Старохамскому». Меня ищут. Ох! Найдут ли?!

И профессор рыдал с новой силой.

– Наука! – с уважением говорили колоколамцы. – Это тебе не ларек открыть. Шутка ли! Метеорит. Раз в тысячу лет бывает. А где его искать? Может, он в Туле лежит! А тут человек задаром гибнет!

Наконец через месяц экспедиция нашла на верный след.

С утра Колоколамск переполнился северными оленями, аэросанями и корреспондентами в пимах. Под звон колоколов и радостные клики толпы профессор был извлечен из «Голоса минувшего», с трудом поставлен на ноги и осмотрен экспедиционными врачами. Они нашли его прекрасно сохранившим силы.

А в это время корреспонденты в пимах бродили по улицам и, хватая колоколамцев за полы, жалобно спрашивали:

– Гнойники есть?

– Нарывы есть?

На другой день северные олени и аэросани умчали спасителей и спасенного.

Экспедиция торопилась. Ей в течение ближайшей недели нужно было спасти еще человек двадцать исследователей, затерявшихся в снежных просторах нашей необъятной страны.

Вторая молодость

Грачи прилетели в город Колоколамск.

Был светлый ледяной весенний день, и птицы кружили над городом, резкими голосами воздавая хвалу городским властям. Колоколамские птички, подобно гражданам, всей

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф и Бродский душой любили власть имущих.

Днем на склонах Старорежимного бульвара уже бормотали ручейки, и прошлогодняя трава подымала голову.

Но не весенний ветер, не крики грачей, не попытки реки Збруи преждевременно тронуться вызвали в городе лихорадочное настроение. Залихорадило, затрясло город от сообщения Никиты Псова.

– Источник! Источник! – вопил Никита, проносясь по улицам, сбивая с ног городских сумасшедших, стуча в окна и забегая в квартиры сограждан. – Своими глазами!

На расспросы граждан Никита Псов не отвечал, судорожно взмахивал руками и устремлялся дальше. За ним бежала растущая все больше и больше толпа.

Кто знает, сколько бы еще мчались любопытные граждане за обезумевшим Псовым, если бы дорогу им не преградил доктор Гром, выскочивший в белом халате из своего домика.

– Тпр-р-р! – сказал доктор Гром. И все остановились. А Никита начал бессвязно божиться и колотить себя в грудь обеими руками.

– Ну, – строго спросил доктор, – скажи мне, ветка Палестины, в чем дело?

Гром любил уснащать речь стихотворными цитатами.

– В Приключенческом тупике источник забил, – с убеждением воскликнул Никита. – Своими глазами!

И гражданин Псов, прерываемый возгласами удивления, доложил обществу, что он, забредя по пьяному делу в Приключенческий тупик, проснулся на земле от прикосновения чего-то горячего. Каково же было его, Псова, удивление, когда он обнаружил, что лежит в мутноватой горячей воде, бьющей прямо из земли.

– Тут я, конечно, вскочил, – закончил Никита, – и чувствую, что весь мой ревматизм как рукой сняло. Своими глазами!

И Псов начал произносить самые страшные клятвы в подтверждение происшедшего с ним чуда.

– Прибежали в избу дети, – заявил доктор Гром, – если это не нарзан, то, худо-бедно, боржом.

Доктор Гром мигом слетал за инструментами, и через час в Приключенческий тупик не смогла бы проникнуть даже мышь, так много людей столпилось у источника.

Доктор, раскинув полы белого халата, сидел на земле у самого источника, небольшой параболой вылетавшего из земли и образовавшего уже порядочную лужу. Он на скорую руку производил исследование.

– Слыхали ль вы, – сказал он, наконец подымаясь, – слыхали ль вы за роцей глас ночной? Слыхали ль вы, что этот источник, худо-бедно, в десять раз лучше нарзана?

Толпа ахнула. И доктор стал выкрикивать результаты анализа.

– Натри хлорати – 2,7899! Натри бикарбоници – 10,0026. Ферри бикарбоната – 3,1267, кали хлорацы – 8,95.

– Сколько хлорацы? – взволнованно переспросил мосье Подлинник, давно уже совавший палец в кипящие воды источника.

– Восемь целых, девяносто пять сотых! – победоносно ответил Гром. – Буря мглою небо кроет.

– Что небо! – ахнул Подлинник. – Это все кроет. Это богатство!

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф и Илья Эренбург – Кисловодску – конец! – сказал доктор. – При таких углекисло-щелочных данных наш источник вконец излечивает подагру, хирагру, ожирение, сахарную болезнь, мигрень, половое бессилие, трахому, чирья, катар желудка, чесотку, ангину и сибирскую язву.

В толпе началось сильное движение. Едва доктор начал перечислять болезни, как Никита Псов сбросил свой тулупчик, прямо в штанах бросился в желтоватую воду и начал плескаться в ней с таким усердием, как будто решил избавиться сразу и от хирагры, и от полового бессилия, и от ангины, и от сибирской язвы. Источник вспенился, и все ясно почувствовали его острый целебный запах.

Многие граждане сбрасывали верхнее платье, чтобы, окунувшись в источник, вернуть себе юношеское здоровье. Их подбадривал Псов, который, дрожа, вылез из воды и начал уже покрываться ледяной пленкой.

Но тут неорганизованному пользованию благами источника был положен конец. К толпе вернулся сбегавший за начальником милиции мосье Подлинник и при помощи расторопного Отмежуева мигмом вытеснил толпу из тупика, установил рогатку и турникет и повесил дощечку с надписью:

КОЛОКОЛАМСКИЙ

Радиоактивный курорт

«ВТОРАЯ МОЛОДОСТЬ»

Главный директор – т. Подлинник

Начальник АФО – т. Отмежуев

ВХОД ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Толпа понуро теснилась за рогаткой, стараясь поближе пробиться к курорту «Вторая молодость». Прижавшись животом к турникету и вытянув длинную шею, стоял совершенно ошеломленный неожиданным поворотом событий доктор Гром. Отмежуев, глядя невидящими глазами, отпихивал его назад.

– А я? – в тоске спрашивал доктор.

После долгого разговора с Подлинником, во время которого собеседники хлопали друг друга по плечу и отчаянно взвизгивали, Подлинник смилостивился, и на дощечке появился новый пункт:

Завед. медицинско-правовой

и методологическо-санитарной частью

д-р ГРОМ

Администрация тут же распределила между собой функции и воодушевленно принялась за пропаганду и эксплуатацию нового курорта.

Подлинник хлопотал как наседка. Он скупил в городе множество пивных бутылок и организовал разлив целебной воды, которую и начал продавать по полтиннику за бутылку. Это было, правда, дороже боржома, но оправдывалось сверхъестественными свойствами минерального напитка.

На вопрос, куда пойдут вырученные деньги, главный директор ответил, что 60 % пойдет на улучшение быта курортного персонала, а на остальные будет построен курзал и приглашены из Москвы опереточная труппа и писатель Пильняк для прочтения ряда рассказов из быта мадагаскарских середняков.

Не дремал также заведующий медицинско-правовой и методологическо-санитарной частью – доктор Гром.

В анкетном зале военизированных курсов декламации и пения он в один вечер прочел подряд три лекции: «Вчера, сегодня и завтра колоколамского курорта», «У порога красоты и здоровья» и «Жизнь, на что ты мне дана».

Из последней лекции, а равно и из первых двух явствовало, что жизнь дана гражданам для того, чтобы потреблять новый минеральный напиток «Вторая молодость».

Уже слепые бандуристы, вертя ручки своих скрипучих инструментов, воспевали будущее колоколамска, уже выручка главного директора достигла изрядной суммы и начались споры о принципах разделения ее между участниками нового предприятия, как вдруг дивный лечебно-показательный, методологическо-санитарный,

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф и Гандерманн радиоактивный и целебный замок рухнул.

В Приключенческий тупик пришли посланные отделом коммунального хозяйства водопроводчики, разбросали рогатки, опрокинули турникет, заявив, что им нужно починить лопнувшую в доме № 3 фановую трубу. Работу свою они выполнили в полчаса, после чего целебный источник навсегда прекратился.

За доктором-коммерсантом гонялись толпы граждан, успевших испить радиоактивной водицы. Он валил все на Никиту Псова. Но предъявить к Псову претензии граждане не могли.

Узнав, в каких водах он купался, Никита слег в постель, жалуясь на ревматические боли и громко стеная.

Мореплаватель и плотник
Неслыханный кризис, как ледящий все живое антициклон, пронесся над Колоколамском. Из немногочисленных лавочек и с базарных лотков совершенно исчезла кожа. Исчез хром, исчезло шевро, иссякли даже запасы подошвы.

В течение целой недели колоколамцы недоумевали. Когда же, в довершение несчастья, с рынка исчез брезент, они окончательно приуныли.

К счастью, причины кризиса скоро разъяснились. Разъяснились они на празднике, данном в честь председателя общества «Геть рукопожатие» гражданина Долой-Вышневецкого по поводу пятилетнего его служения делу изжития рукопожатий.

Торжество открылось в лучшем городском помещении – анкетном зале курсов декламации и пения. Один за другим по красному коврику всходили на эстраду представители городских организаций, произносили приветственные речи и вручали юбиляру подарки.

Шесть сотрудников общества «Геть рукопожатие» преподнесли любимому начальнику шесть шевровых портфелей огненного цвета с чемоданными ремнями и ручками.

Дружественное общество «Геть неграмотность» в лице председателя Балюстрадника одарило взволнованного юбиляра двенадцатью хромовыми портфелями крокодильей выделки.

Юбиляр кланялся и благодарил. Оркестр мандолинистов непрерывно исполнял туш.

Начальник милиции Отмежуев, молодецки хрипя, отрапортовал приветствие и выдал герою четыре брезентовых портфеля с мечами и бантами.

Не ударил лицом в грязь и брандмайор Огонь-Польхаев. Ему, правда, не повезло. Он спохватился поздно, когда кожи уже не было. Но из этого испытания гражданин Огонь вышел победителем: он разрезал большой шланг и соорудил из него бесподобный резиновый портфель. Это был лучший из портфелей. Он так растягивался, что мог вместить все текущие дела и архивы большого учреждения.

Долой-Вышневецкий плакал.

Речь гражданина Подлинника, выступившего от имени городской торговли и промышленности, надолго еще останется в памяти колоколамцев. Даже через тысячу лет речь Подлинника наряду с речами Цицерона и правозаступника Вакханальского будет почитаться образцом ораторского искусства.

– Вы! – воскликнул Подлинник, тыча указательным пальцем в юбиляра. – Вы – жрец науки, мученик идеи, великой идеи отмены рукопожатий в нашем городе! Вот я плачу перед вами!

Подлинник сделал попытку заплакать, но это ему не удалось.

– Я глухо рыдаю! – закричал он. И сделал знак рукой.

Немедленно распахнулась дверь, и по боковому проходу в залу вкатилась тачка, увитая хвоей. Она была доверху нагружена коллекционными портфелями.

– Я не могу говорить! – проблеял Подлинник. И, захватив в руки груды портфелей,

венные истории из жизни города Колоколамска. Евгений Петрович Петров, Илья Арнольдович Ильф и Илья Петрович Петров стали метать их в юбиляра, дружелюбно покрикивая:

– Вы академик! Вы герой! Вы мореплаватель! Вы плотник! Я не умею говорить!
Горько! Горько!

Он сделал попытку поцеловать юбиляра, но это было невозможно. Долой-Вышневецкий по самое горло был засыпан портфелями, и к нему нельзя было подобраться.

Такого юбилея Колоколамск еще никогда не видал.

На другой день утром по городу прошел слух, что кожа наконец-то появилась в продаже. Где появилась кожа, еще никто не знал, но взволнованные граждане на всякий случай наводнили улицы города. К полудню все бежали к рынку.

У мясных рядов вилась длинная очередь. Перед нею под большим зонтом мирно сидел академик, герой, мореплаватель и плотник Долой-Вышневецкий. Пять лет посвятил он великому делу истребления рукопожатий в пределах города Колоколамска, а первый день шестого года отдал торговле плодами своей работы. Он продавал портфели. Они были аккуратно рассортированы с обозначением цены на каждом из них.

– А вот кому хорошие портфели! – зазывал юбиляра. – А вот кому кожа на штилеты, на сапоги, на дамские лодочки! Ремни на упряжь! Есть портфели бронированные, крокодиловые, резиновые! Лучший оригинальный детский забавный подарок детям на Пасху – мечи и банты! А вот кому мечи и банты на детские игрушки!

Стоптавшие обувь колоколамцы торопливо раскупали портфели и сейчас же относили их сапожникам.

Гражданин Подлинник, горько улыбаясь, приторговывал шевровый портфель на туфли жене.

– Я не оратор! – говорил он. – Но десять рублей за этот портфель, с ума сойти! Тоже мореплаватель!

– У нас без торгу! – отвечал мореплаватель и плотник. – А вот кому портфели бронированные, крокодиловые, резиновые! На сапоги! На дамские лодочки!

Торговал он и на другой день.

В конце концов он превратился в торговца портфелями, дамскими сумочками, бумажниками и ломкими лаковыми поясками. О своей бывшей научной деятельности он вспоминал редко и с неудовольствием.

Так погиб для колоколамской общественности лучший ее представитель – глава общества «Геть рукопожатие».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://ilfandpetrov.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!